

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...

Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Четверо
должны уйти

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Четверо должны уйти

«Азбука-Аттикус»

1957, 1958

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стаут Р. Т.

Четверо должны уйти / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус», 1957,
1958 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-20639-7

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. В сборник вошли четыре повести об очередных делах знаменитого сыщика.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20639-7

© Стаут Р. Т., 1957, 1958
© Азбука-Аттикус, 1957, 1958

Содержание

Рождественская вечеринка	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рекст Стаут

Четверо должны уйти

Rex Stout

AND FOUR TO GO

Copyright © 1957, 1958 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

All rights reserved

© А. В. Санин, перевод, 1994

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2021

Издательство Иностранка®

* * *

Рождественская вечеринка

Глава 1

– Прошу прощения, сэр, – сказал я, постаравшись вложить в свой голос всю земную скорбь. – Но не далее как два дня назад, в понедельник, я довел до вашего сведения, что в пятницу днем у меня свидание, и вы дали согласие. Так что не обессудьте, но на Лонг-Айленд я отвезу вас в субботу или в воскресенье.

– Так не пойдет, – помотал головой Ниро Вулф. – Пароход мистера Томпсона приходит в порт утром в пятницу, и мистер Томпсон останется гостить у мистера Хьюитта лишь до середины следующего дня, субботы, после чего отплывет в Новый Орлеан. Насколько тебе известно, мистер Томпсон – самый знаменитый селекционер Англии, и я крайне признателен мистеру Хьюитту за приглашение провести с ним несколько часов. Насколько я помню, езды туда около полутора часов, так что мы можем выехать в половине первого.

Я понял, что мне придется досчитать до десяти, прежде чем ответить, поэтому развернулся на стуле, чтобы считать в уединении. Как и всякий раз, когда у нас не было какого-нибудь мало-мальски серьезного расследования, мы с Вулфом старательно изводили друг друга – на сей раз уже целую неделю, – и, должен признать, я и впрямь стал немного раздражительным. Но все-таки наглость Вулфа воистину не знала пределов. Закончив считать, я повернул голову и посмотрел на этого толстого нахала, восседавшего за столом в необъятных размеров кресле, которое было изготовлено для него по специальному заказу. От неожиданности у меня едва не отвисла челюсть – Вулф уже снова уткнулся в очередную книгу, давая понять, что считает вопрос решенным и исчерпанным. Нет уж, дудки, подумал я, пора его проучить! Я снова развернулся лицом к Вулфу.

– Мне, право, очень жаль, – сказал я, уже не пытаюсь вкладывать в голос скорбь, – но я должен непременно пойти на это свидание в пятницу. Как-никак, это все же рождественская вечеринка в офисе Курта Боттвайля. Вы его помните. Несколько месяцев назад он нанимал нас, чтобы мы отыскивали украденные гобелены. Его сотрудницу по имени Марго Дики вы уже вряд ли отчетливо помните, а вот я знаю ее лучше. Мы с ней не раз встречались, и я пообещал ей, что приду на вечеринку. Вы ведь никогда не устраиваете у себя рождественские вечеринки. Что же касается поездки на Лонг-Айленд, то ваше убеждение, что любая машина, за рулем которой не сижу я, – смертельная западня, просто смехотворно. Можете поехать в такси, или нанять водителя из агентства Бакстера, или, на худой конец, попросить Сола Пензера, чтобы он вас отвез.

Вулф опустил книгу:

– Я надеюсь получить от мистера Томпсона весьма важные сведения, а ты будешь вести записи.

– Каким образом, если меня там не будет? Секретарь Хьюитта знает орхидейную терминологию не хуже меня. Как, кстати, и вы.

Согласен, последняя реплика была жестковата, но и Вулфу не следовало возвращаться к книге. Он поджал губы.

– Арчи! Сколько раз за последний год я обращался к тебе с просьбой отвезти меня куда-либо?

– Если вы называете это «обратиться с просьбой», то раз восемнадцать-двадцать.

– То есть я тебя не перегружал. Если ты считаешь мое убеждение, что за рулем можно доверять только тебе, странностью или слабостью, пусть так. Есть у меня такая слабость. Мы выедем отсюда к мистеру Хьюитту в пятницу, в двенадцать тридцать.

Вот, значит, как. Я вздохнул, но отсчитывать до десяти не стал. Раз уж настала пора преподавать ему урок – Вулф уже точно напрашивался на урок, – то, по счастью, я располагал довольно весомым документом, на который очень рассчитывал.

Я полез во внутренний карман пиджака и извлек из него сложенный вчетверо лист бумаги.

– Я не хотел, обрушивать на вас этот удар до завтра или даже до чуть более позднего срока, но вы не оставили мне выбора, – заявил я. – Что ж, возможно, оно и к лучшему.

Я встал со стула, развернул лист бумаги и протянул его Вулфу. Вулф отложил книгу, взглянул на листок, метнул взгляд на меня, еще раз пробежал глазами бумагу и бросил ее на стол.

– Пф! – фыркнул он. – Это что еще за вздор?

– Вовсе не вздор. Сами видите, что это разрешение на вступление в брак, выданное Арчи Гудвину и Марго Дики. Оно обошлось мне в два доллара. Я мог бы напести вам с три короба о том, насколько я влюблен в самую лучшую девушку на свете и так далее, но не стану. Скажу только, что меня наконец захомутали, причем проделана операция была просто мастерски. Марго собиралась известить об этом весь мир во время рождественской вечеринки, так что, разумеется, я должен присутствовать. Когда вы хвастаетесь, что поймали рекордную рыбину, неплохо явить ее взорам восхищенных зрителей. Откровенно говоря, я предпочел бы отвезти вас на Лонг-Айленд, но, увы, это невозможно.

Лучшего впечатления я не мог и ожидать.

Вулф таращился на меня из-под полуприкрытых век так долго, что вполне успел бы досчитать до одиннадцати, затем снова взял в руки бумагу и уставился на нее. Потом отшвырнул ее на край стола, словно боялся подцепить что-нибудь заразное, и посмотрел на меня в упор:

– Ты просто душевнобольной. Сядь!

– Вы правы, – согласился я, но остался стоять, – это и впрямь форма сумасшествия, но и что плохого в том, что и меня она не обошла? Как читала мне вчера вечером Марго, кто-то из греков написал, кажется: «О, любовь, ты сокрушаешь все преграды, всепобеждающая даже...»

– Замолчи и сядь на место!

– Да, сэр. – Я не шелохнулся. – Но мы не торопим события. Дату мы не назначили, так что время для того, чтобы уладить все формальности, еще есть. Возможно, вы захотите от меня избавиться, но это решать вам. Что касается меня, то я предпочел бы остаться у вас. Конечно, за столь долгое время общения с вами я здорово натерпелся, но мне было бы больно навсегда выкинуть все это из жизни. Жалованье у меня вполне приличное, особенно если с первого января, то есть со следующего понедельника, вы дадите мне давно обещанную прибавку. Я привык считать этот старый особняк своим домом, несмотря на то что владеете им вы, а в моей комнате противно скрипят две половицы. Я считаю за честь работать на величайшего сыщика в мире, невзирая на его бесчисленные чудачества. Я признателен за то, что всегда, когда бы мне ни приспичило, могу подняться в оранжерею и полюбоваться десятью тысячами орхидей, особенно одонтоглоссумами. Я также воздаю должное...

– Сядь!

– Я слишком взволнован, чтобы сидеть. Я также воздаю должное кулинарному искусству Фрица. Я обожаю бильярдный стол в цокольном этаже. Я влюблен в Западную Тридцать пятую улицу. Я не мыслю своей жизни без одностороннего стекла, вделанного во входную дверь. Мне безумно дорог ковер, который я сейчас топчу ногами. Я боготворю ваш излюбленный ядовито-желтый цвет. Все это я рассказал Марго, а также многое другое, в частности то, что у вас аллергия на женщин. Мы все с ней обсудили, обдумали и пришли к выводу, что готовы рискнуть и по возвращении из свадебного путешествия поселимся здесь, скажем, на месяц. В моей комнате устроим спальню, а в комнате напротив – гостиную. Туалетов и ванн хватит

на всех. Есть мы можем вместе с вами, как до сих пор ел я, или у себя наверху, но это вам решать. Если эксперимент удастся, то оплату новой мебели и ремонт мы берем на себя. Марго останется работать у Курта Боттвайля, так что она не будет торчать здесь днем и мозолить вам глаза, а поскольку Боттвайль специализируется на отделке интерьеров, все покупки достанутся нам по оптовой цене. Конечно, мы оставляем эти предложения на ваше усмотрение. Дом-то, как ни крути, ваш.

Я взял со стола свое брачное разрешение, аккуратно сложил и спрятал во внутренний карман.

Глаза и губы Вулфа оставались узенькими щелочками.

– Я тебе не верю! – прорычал он. – А как же мисс Роуэн?

– Давайте не будем втягивать сюда мисс Роуэн, – сварливо ответил я.

– А как насчет тысяч других женщин, за которыми ты волочишься?

– Вовсе не тысяч. Даже и одной тысячи-то не наберется. И насчет «волочишься» я не уверен. Проверю по словарю. Думаю, вы неточно представляете его смысл. К тому же все эти женщины свое получают, как и Марго, например. Сами видите, душевнобольной я лишь до определенного предела. Я отдаю себе отчет...

– Сядь!

– Нет, сэр. Я отдаю себе отчет в том, что нам придется все это обсудить, но сейчас вы слишком взвинчены и плохо соображаете, так что разговор по душам нам лучше отложить на денек-другой, а то и побольше. К субботе мысли о том, что в вашем доме поселится женщина, могут довести вас до белого каления, вот как сейчас, либо, напротив, вы успокоитесь настолько, что будете лишь тихо кипеть, как чайник, и брызгать слюной. В первом случае никакие разговоры нам не помогут. Во втором – вы можете прийти к выводу, что стоит попробовать. Так, во всяком случае, я надеюсь.

С этими словами я круто повернулся и вышел вон.

В прихожей я остановился и задумался. Конечно, я мог бы подняться в свою комнату и позвонить оттуда, но расвирепевший Вулф вполне мог поднять трубку своего аппарата и подслушать разговор, в то время как я предпочитал поговорить без свидетелей. Поэтому я снял с вешалки шляпу и пальто, оделся, вышел, запер за собой дверь, спустился с крыльца, протопал до аптеки на Девятой авеню, нашел свободную кабину и набрал нужный номер. Несколько секунд спустя мелодичный голосок – не заговорил, нет, – зачирикал прямо мне в ухо:

– Студия Курта Боттвайля, доброе утро.

– Это Арчи Гудвин, Черри. Могу я поговорить с Марго?

– Ну конечно. Одну минуточку.

Минуточка чуть затянулась. Потом послышался другой голос:

– Арчи, дорогой мой!

– Да, крошка. Оно у меня в кармане.

– Я знала, что тебе это удастся!

– Разумеется, мне все удастся. Кстати, ты сказала, что готова отдать хоть целую сотню, да и я поначалу думал, что уж с двадцаткой-то расстаться точно придется, а в итоге все удовольствие влетело в пятерку. Радуйся: тебе вообще оно обойдется бесплатно, поскольку благодаря этой бумажке я уже повеселился на пару миллионов, а то и больше. Расскажу при встрече. Отправить тебе разрешение с посыльным?

– Нет, не думаю... Лучше я сама приеду и заберу его. Где ты находишься?

– В телефонной кабинке. Возвращаться домой мне бы пока не хотелось, поскольку мистер Вулф предпочитает кипеть от злости в одиночку. Как насчет того, чтобы через двадцать минут встретиться в «Черчилле», в баре «Тюльпан»? Я настроен угостить тебя коктейлем.

– Это я настроена угостить тебя чем угодно!

Еще бы – как-никак на карту поставлены мои рука и сердце!

Глава 2

Когда в пятницу в три часа дня я выбрался из такси перед четырехэтажным зданием в районе Восточных Шестидесятых улиц, снег валил стеной. Если так будет продолжаться, то к Новому году Манхэттен скроется под сугробом, подумал я.

В течение двух дней, прошедших с того памятного случая, когда мне удалось повеселиться на пару миллионов, а то и больше, обстановка в нашем доме совершенно не напоминала праздничную. Если бы мы вели какое-нибудь расследование, то были бы вынуждены часто и подолгу общаться, но, поскольку мы сидели без дела, необходимость в общении отпала. Вот тут-то, в тяжкие дни испытаний, и проявились наши истинные лица. Я, например, сидя за столом во время трапезы, был неизменно сдержан и учтив, говорил, когда возникала потребность, вежливо и тихо, как и подобает культурному и воспитанному человеку. А вот Вулф открывал рот только для того, чтобы рыкнуть или рывкнуть. Ни один из нас не заговаривал ни о счастье, которое мне привалило, ни о приготовлениях к торжеству, ни о предстоящем в пятницу свидании с моей невестой, ни даже о путешествии Вулфа на Лонг-Айленд.

Тем не менее Вулф каким-то образом это уладил, поскольку ровно в двенадцать тридцать перед нашим особняком остановился черный лимузин. Надвинув на уши старую черную шляпу и приподняв воротник нового серого пальто, чтобы защититься от снегопада, Вулф спустился с крыльца, остановился на нижней ступеньке – этакая гора! – дожидаясь, пока одетый в униформу шофер не откроет дверцу лимузина, потом решительно прошагал к машине и взгромоздился на сиденье. Я, затаив дыхание, следил за ним из окна своей комнаты.

Признаться, я испытал такое облегчение, словно огромный камень свалился у меня с души. Верно, зарвавшегося тирана давно следовало проучить, и я нисколько не жалел о содеянном, но если бы Вулф упустил возможность встретиться с лучшим селекционером Англии, то он бы мне всю плешь проел и вспоминал о моем чудовищном поступке до гробовой доски.

Спустившись на кухню, я поел вместе с Фрицем, которого настолько угнетало происшедшее, что он даже забыл добавить в суфле лимонного сока. Мне хотелось утешить беднягу, заверив, что к Рождеству, всего через три дня, все снова станет на свои места, но, увы, я должен был выдержать роль злодея до конца.

Я подумывал было о том, не бросить ли монетку, чтобы решить, куда лучше идти: на новую выставку динозавров в Музее естественной истории или на вечеринку к Боттвайлю, но любопытство пересилило. Уж слишком меня разбирало: добилась ли чего Марго с помощью моего свадебного разрешения и как восприняли свежую новость служащие в офисе Боттвайля. Вообще, отношения там были довольно занятные. Черри Кван, похоже, считалась мелкой сошкой, поскольку выполняла главным образом роль секретарши, но я не раз замечал, как ее черные глаза метали молнии в Марго Дики в надежде испепелить соперницу на месте. Сама Марго должна была заманивать перспективных клиентов в сеть, а уж Боттвайлю оставалось только окончательно запудрить им мозги, тогда как Альфред Кирнан следил за тем, чтобы клиент расписался под заказом до того, как придет в себя.

Впрочем, это я обрисовал лишь в самых общих чертах. Выполнял заказ в мастерской Эмиль Хетч под бдительным наблюдением Боттвайля. Финансовую поддержку осуществляла миссис Перри Портер Джером. Марго сказала, что миссис Джером тоже будет присутствовать на вечеринке, причем придет не одна, а с сыном по имени Лео, которого я никогда прежде не видел. По словам Марго, Лео не был связан ни с бизнесом Боттвайля, ни с каким бы то ни было другим бизнесом, а посвящал львиную долю своего времени и усердия двум занятиям: старался выманить у матери побольше долларов на развлечения и не давал Боттвайлю вытягивать из миссис Джером слишком много денег.

Словом, клубок живых двуногих, которые брыкались, кусались, царапались и плели сети интриг, сулил больше потехи, чем созерцание вымерших динозавров, так что, взвесив все «за» и «против», я сел в такси и покатил к Восточным Шестидесятым улицам.

На первом этаже четырехэтажного здания, где раньше располагались огромные жилые апартаменты, теперь размещался салон красоты. Второй этаж занимала фирма по торговле недвижимостью. На третьем этаже Боттвайль устроил свою мастерскую, а на четвертом – студию.

Войдя в вестибюль, я вызвал лифт, поднялся на последний этаж и очутился в мире созданного с помощью золоченой фольги пышного великолепия – великолепия, которое мне впервые посчастливилось лицезреть несколько месяцев назад, когда Боттвайль нанял Вулфа, чтобы разыскать похитителя нескольких редчайших гобеленов. Зрелище ошеломляло: мебель, филенки, рамки – все лучилось золотом, с которым прекрасно гармонировали ковры, драпировки и картины в стиле модерн. Замечательное было бы логово для слепого миллионера.

– Арчи! – послышался голос. – Иди к нам и помоги дегустировать!

Марго Дики уже меня высмотрела. В дальнем углу располагался раззолоченный бар со стойкой длиной футов восемь, за которой на золоченом же высоком табурете примостилась Марго. Рядом с ней на таких же табуретах сидели Черри Кван и Альфред Кирнан, а за стойкой разряженный Санта-Клаус, крупный и широкоплечий, с внушительным брюшком, разливал по бокалам шампанское. Несмотря на ультрасовременное занятие, одет он был по старинке – традиционный пышный и яркий костюм, борода, маска и прочее; разве что рука, державшая бутылку шампанского, была затянута в белую перчатку. Утопая по щиколотки в ковре, я предположил, что белые перчатки – атрибут боттвайльской элегантности. Лишь позже я осознал, насколько заблуждался.

Мне прокричали рождественские поздравления, а Санта-Клаус наполнил еще один бокал пенящимся напитком. Странно, но бокал не был обклеен золоченой фольгой. Не хватило, должно быть. Я был рад, что пришел. Когда потягиваешь шампанское, сидя между блондинкой и брюнеткой, поневоле начинаешь сам себе завидовать и проникаешься чувством уважения к собственной персоне. Блондинка и брюнетка были прекрасными образчиками женской породы: высокая, стройная Марго, с округлыми формами, спокойная и расслабленная, и крохотная, с раскосыми черными глазами Черри Кван, застывшая на табурете в напряженной позе с прямой как палка спиной. Стоя Черри едва доставала мне до ключицы. Я подумал, что Черри заслуживает внимания не только как статуэтка, хотя она и стала бы украшением любого интерьера, но и как возможный источник, проливающий новый свет на человеческие отношения. Марго рассказала мне, что отец Черри – наполовину китаец и наполовину индеец (не путайте с американскими индейцами), а мать – голландка.

Я высказал предположение, что пришел слишком рано, но Альфред Кирнан заверил, что нет, мол, остальные уже здесь и вот-вот подойдут. Он добавил, что мое появление стало для него приятным сюрпризом, поскольку у них здесь просто маленькое семейное торжество и он не знал, что пригласили кого-то еще. Кирнан, занимавший должность управляющего делами, точил на меня зуб за маленькую вольность, которую я позволил себе, охотясь за гобеленами, но ирландцы славятся тем, что на рождественских вечеринках любят всех окружающих без разбора. К тому же мне показалось, что он на самом деле рад моему приходу, так что я посчитал своим долгом тоже выразить радость. Марго сообщила, что это она меня пригласила, и Кирнан, потрепав ее по плечу, сказал, что она молодец, в противном же случае он позвал бы меня сам. Примерно моего возраста и не уступающий мне по красоте и благородству, Кирнан, не моргнув и глазом, потрепал бы по плечу английскую королеву или жену президента.

Он заявил, что нужно продолжить дегустацию, и повернулся к бармену:

– Мистер Клаус, мы хотим теперь попробовать «Вдову Клико». – И обратился к нам: – Вполне в духе Курта обеспечивать такое разнообразие. Наш Курт ни в чем не терпит монотонности. – И снова бармену: – Могу я называть вас просто Санти?

– Разумеется, сэр, – пропищал из-под маски Санта-Клауса тонюсенький фальцет, совершенно не соответствующий внушительным размерам бармена.

Тут распахнулась дверь слева, и вошли двое мужчин. Одного из них, Эмиля Хетча, мне уже доводилось прежде видеть. Когда Боттвайль излагал нам историю о краже гобеленов, то сказал, что Марго Дики – его глаза и уши, Черри Кван – руки, а вот Эмиль Хетч – домашний колдун. Познакомившись с Хетчем, я вскоре убедился, что тот не только походил на колдуна, но и всячески старался соответствовать этой роли. Ростом с Черри Кван, тощий, тщедушный и вдобавок скособоченный – то ли левое плечо у него завалилось вниз, то ли правое вознеслось – я не спрашивал; физиономия всегда кислая, голос угрюмый, а вкус просто отвратительный.

Когда незнакомца представили как Лео Джерома, мне не пришлось пускать в ход профессиональные навыки, чтобы понять, кто он такой. Я уже был знаком с его матерью, миссис Перри Портер Джером. Вдова и очень милая женщина – настоящая душечка, по мнению Курта Боттвайля. Во время следствия она вела себя так, словно гобелены принадлежали ей лично, хотя, возможно, у нее просто была такая манера держаться. Я мог бы строить догадки о ее отношениях с Куртом Боттвайлем, но не стану. У меня и так хватает забот по поводу собственных отношений с людьми, чтобы тратить свое серое вещество на подобные пустяки. Что касается ее сына Лео, то сложение он унаследовал явно от отца, а не от матери – высокий, сухопарый, с длинными руками и огромными оттопыренными ушами. Ему было лет под тридцать, меньше, чем Кирнану, но больше, чем Марго и Черри.

Лео втиснулся между мной и Черри, повернувшись ко мне спиной, а Эмиль Хетч вцепился в Кирнана, явно намереваясь угостить его какой-то нудятиной. Я легонько взял Марго под локоток и увлек ее к дивану, обитому тканью с фигурами из Евклидовой геометрии шести или семи цветов. Мы остановились напротив, разглядывая причудливые узоры.

– Весьма красиво, – изрек я, – но с тобой ни в какое сравнение не идет. Эх, чего бы я только не отдал за то, чтобы сделать это разрешение подлинным! Не пожалел бы даже еще двух долларов. Что ты на это скажешь?

– Ты! – пренебрежительно фыркнула Марго. – Ты не женился бы и на Мисс Вселенной, даже если бы она приползла к тебе на коленях с миллиардом долларов.

– Давай проверим. Скажи ей, что она может попытаться счастья. Ну как, получилось?

– Замечательно! Лучшего нельзя было и ожидать.

– Значит, ты мне отказываешь?

– Да, Арчи, золотко мое. Но я готова стать тебе сестрой.

– Сестра у меня уже есть. А разрешение я хотел бы оставить себе на память, тем более что особенно афишировать его не стоит. Еще взбрет кому-нибудь в голову привлечь меня за подделку. Впрочем, можешь послать мне его по почте.

– Нет, не могу. Курт разорвал его.

– Черт побери! А где клочки?

– Он выбросил их в корзинку для бумаг. А ты придешь на свадьбу?

– А где находится эта корзинка и как она выглядит?

– Возле письменного стола в его кабинете. Золоченая, как и все остальное. А случилось это вчера вечером после обеда. Так ты придешь на свадьбу?

– Нет. Мое сердце обливается кровью от скорби. Сердце мистера Вулфа тоже может не выдержать... Кстати, мне бы лучше уже смотаться отсюда. Не могу же я торчать здесь, убитый горем.

– Тебе и не придется. Курт не знает, что я тебе рассказала, и к тому же ты вовсе не... Ой, вот и он сам!

Она метнулась к стойке бара, куда направился и я, но медленно и степенно. Первой вошла, вернее, вплыла, миссис Перри Портер Джером, пухленькая, как плюшевый мишка, укутанная в меха. При появлении миссис Джером все почтительно встали. Правда, скорее всего, почтение адресовалось ее спутнику. Да, она, конечно, душечка, но Курт Боттвайль – босс! Остановившись шагах в пяти от бара, он распростер руки и пропел:

– С Рождеством всех поздравляю! Счастья, радости желаю!

Я так до сих пор и не разобрался в Боттвайле. Тогда, несколько месяцев назад, у меня сложилось впечатление, что он просто один из них, но я ошибся. Среднего роста, полнеющий, но не обрюзгший, лет сорока двух – сорока трех, волосы зачесаны назад над лысеющим темечком – ничего примечательного, однако было что-то в его внешности, привлекающее внимание не только женщин, но и мужчин. Как-то раз Вулф пригласил его к обеду, и они в течение всей трапезы оживленно обсуждали находку свитков Мертвого моря. Пару раз я встречал Боттвайля на бейсбольных матчах. Словом, с окончательной оценкой придется еще повременить.

Когда я облокотился о стойку бара, где Санта-Клаус разливал по бокалам «Дом Периньон», Боттвайль, заметив меня, на мгновение прищурился, а потом ухмыльнулся:

– Гудвин! Вы здесь? Отлично! Эдит, ваш любимый сыщик пожаловал!

Миссис Перри Портер Джером, которая уже тянулась к бокалу с искрящимся напитком, обернулась и уставилась на меня.

– Кто вас позвал? – резко бросила она и отвернулась, не дав мне ответить. – Черри, должно быть. Ох уж эта Черри! Лео, хватит меня толкать! Да заberi, пожалуйста. Здесь слишком жарко.

Она позволила сыну снять с нее мантию и снова потянулась к бокалу. Когда Лео, положив норковое мантию на диван, вернулся к стойке, каждый из нас уже взял себе по бокалу, и все взоры устремились на Боттвайля.

– Бывают времена, – начал Боттвайль и обвел всех глазами, – когда царствует любовь. Бывают времена...

– Подождите минутку, – прервал его Кирнан. – Вы тоже должны получить удовольствие. Вы же не любите шампанское.

– Ничего, Эл, глоточек я стерплю.

– Но удовольствия не получите, – возразил Кирнан. – Подождите.

Он поставил бокал на стойку и быстро прошагал к двери. Пять секунд спустя он вернулся с бутылкой в руке. Когда он повернулся к Санта-Клаусу и попросил чистый стакан, я разглядел этикетку: «Перно». Кирнан извлек пробку, которая на две трети торчала из горлышка – значит, бутылку уже откупоривали, – наполнил стакан наполовину и протянул Боттвайлю со словами:

– Вот, теперь мы все насладимся.

– Спасибо, Эл. – Боттвайль взял из его рук стакан с перно. – Мой тайный явный порок. Итак, я повторяю, что бывают времена, когда царствует любовь. Санта-Клаус, а где ваш бокал? А-а, вам, должно быть, маска мешает... Бывают времена, когда крохотные демоны прячутся по своим норкам и даже безобразие принимает прекрасное обличье; когда свет озаряет самые темные углы; когда теплеют самые холодные сердца; когда трубят трубы, возвещающие о наступлении эпохи счастья и доброжелательства вместо эпохи тьмы, зависти и злобы. Вот сейчас как раз такое время. Веселого Рождества всем! Поздравляю вас!

Я уже собрался было чокнуться, но, увидев, что и душечка, и босс уже собираются выпить, последовал их примеру, как и все остальные. Я подумал, что красноречие Боттвайля заслуживает большего, чем один глоток, поэтому залпом опорожнил бокал и краешком глаза заметил, что и босс от меня не отстает, явно воздавая должное перно. И тут заговорила миссис Джером:

– Как прекрасно сказано! Просто изумительно! Я хочу записать эту речь и опубликовать ее. Особенно ту часть, где трубят трубы... Курт! В чем дело? Курт!

Боттвайль выронил стакан и схватился за горло. Когда я шагнул вперед, он вдруг резко выбросил руки вперед и хрипло крикнул что-то вроде «поздравляю», но я не вслушивался. Остальные тоже устремились к нему, но я, будучи специально натренированным на подобные случаи, подоспел первым. Когда я подхватил Боттвайля на руки, он уже хрипел и задыхался, а в следующую секунду его тело пронзила настолько сильная судорога, что оно едва не вырвалось из моих объятий. Вокруг что-то восклицали, хотя никто не кричал и не визжал, а кто-то вцепился в мою руку. Я велел им расступиться и дать мне побольше места, но в этот миг тело Боттвайля так резко обмякло, что я едва не упал. Возможно, и упал бы, если бы Кирнан не успел схватить Боттвайля за руку и удержать.

– Позовите врача! – крикнул я.

И Черри кинулась к столику, на котором стоял позолоченный телефонный аппарат. Мы с Кирнаном уложили Боттвайля на ковер. Боттвайль был без сознания, часто и мелко дышал, а вокруг губ выступила пена.

– Сделайте что-нибудь! Да сделайте же хоть что-нибудь! – причитала миссис Джером.

Но ничего сделать было уже нельзя. Я это знал. Еще несколько секунд назад я уловил знакомый запах, теперь же, нагнувшись и приняв себя, окончательно убедился в своей правоте. Нужно был подсыпать большую дозу, чтобы яд подействовал с такой убийственной силой и быстротой. Кирнан развязал потерявшему сознание Боттвайлю галстук и ослабил воротник. Черри Кван сказала, что одного врача не застала и пытается дозвониться до другого. Марго, сидя на корточках, стаскивала с Боттвайля туфли. Я мог бы сказать ей, что с таким же успехом он может умереть и обутым, но смолчал. Я держал Боттвайля за запястье, приложив ладонь другой руки к его груди, и буквально ощущал, как уходит из него жизнь.

Когда пульсация и сердцебиение прекратились, я взял Боттвайля за руку, сжатую в кулак, разогнул средний палец и давил на ноготь, пока тот не побелел. Когда я отнял свой палец, ноготь остался белым. Я отщипнул от ковра ворсинку, приказал Кирнану не шевелиться, приложил ворсинку к ноздрям Боттвайля и сам задержал дыхание на тридцать секунд. Ворсинка не шелохнулась.

– Его сердце больше не бьется, и он не дышит, – сказал я. – Если бы врач подоспел в течение первых трех минут и промыл ему желудок особыми средствами, которых у него наверняка с собой не оказалось бы, один шанс из тысячи еще бы оставался. Так же...

– Может быть, вы хоть что-нибудь сделаете? – прокудахтала миссис Джером.

– Нет, ему уже не помочь. Я не представляю закон, но, будучи частным сыщиком, мог бы...

– Сделайте что-нибудь! – истошно завопила миссис Джером.

Из-за моей спины донесся голос Кирнана:

– Он мертв.

Я не стал поворачиваться и спрашивать, каким способом он это определил. Вместо этого я сказал:

– Его напиток был отравлен. До прихода полиции никто не должен ни к чему притрагиваться, особенно к бутылке перно, и никто не имеет права выходить из этой комнаты. Вы должны... – Я замер, как громом пораженный. – А куда делся Санта-Клаус?

Все головы повернулись к стойке бара. Бармен исчез. Чтобы проверить, не упал ли старина Санти в обморок, я протолкался между Лео Джеромом и Эмилем Хетчем, заглянул за стойку, но и на полу никого не было.

Я резко развернулся:

– Кто-нибудь видел, как он выходил?

Очевидцев не нашлось.

– К лифту не выходил никто, – заметил Хетч. – Я уверен. Должно быть, он... – И Хетч устремился к двери.

Я преградил ему дорогу:

– Оставайтесь здесь. Я посмотрю сам. Кирнан, вызовите полицию. Спринг семь-три-один-сто.

Я вышел в левую дверь, прикрыл ее за собой и влетел в кабинет Боттвайля, в котором уже бывал раньше. Кабинет занимал по размерам примерно четверть студии и выглядел куда скромнее, хотя и отнюдь не убого. Я подошел к дальней стене, увидел через стеклянную панель, что личного лифта Боттвайля на месте нет, и нажал кнопку вызова. Что-то клацнуло, и кабинка с жужжанием стала подниматься. Когда она остановилась, я открыл дверь и увидел на полу Санта-Клауса, вернее, то, что от него осталось. Санта-Клаус растаял. На полу валялись шуба, шаровары, маска, борода, парик... Я не стал проверять, все ли на месте, поскольку должен был успеть сделать еще кое-что, а времени почти не оставалось.

Приперев дверь лифта стулом, чтобы она не захлопнулась, я обогнул покрытый тончайшей золотой фольгой письменный стол Боттвайля и наклонился над золоченой корзиной для бумаг. Она была полна примерно на треть. Я начал было в ней рыться, потом решил, что теряю время, и, перевернув, высыпал ее содержимое на пол, после чего принялся просматривать все бумажки подряд и поочередно швырять их в корзинку. Мне попадались какие-то обрывки. Но ни один из них не имел ни малейшего отношения к моему брачному разрешению. Покончив с бумажками, я подумал, что из-за спешки смотрел недостаточно внимательно, и собрался повторить всю процедуру, но тут со стороны студии послышался звук, напоминающий стук остановившегося лифта. Я быстро вернулся в студию, где застал двоих полицейских, которые явно пытались определить, кем в первую очередь заняться – мертвым или живыми.

Глава 3

Три часа спустя мы все сидели, сбитые в одну кучу, а над нами, шаря по нашим лицам бдительным взором, возвышался мой закадычный враг и приятель, сержант Пэрли Стеббинс из уголовной полиции Манхэттена, крупный, мощный, с квадратным подбородком.

– Мистер Кирнан и мистер Хетч, – наконец сказал он, – поедут со мной в офис окружного прокурора для дальнейшего выяснения обстоятельств этого преступления. Остальные могут быть пока свободны, но с одной оговоркой: вы должны находиться дома, по тем адресам, которые дали нам. Однако, прежде чем отпустить вас, я хочу еще раз задать вам вопрос о человеке, который находился здесь под видом Санта-Клауса. Вы все заявили, что ровным счетом ничего о нем не знаете. Никто из вас не хочет сейчас пересмотреть свое заявление?

Стрелки на моих часах показывали без двадцати семь, когда человек двадцать пять муниципальных служащих – полицейские, коронер, врач, дактилоскописты, санитары – покончили с обычной для подобных случаев возней, включавшей и допрос свидетелей с глазу на глаз. Наивысшей чести удостоился я. Меня опрашивали поочередно Стеббинс, за ним следователь из ближайшего отделения полиции, а затем еще и лично инспектор Кремер. Последний отбыл около пяти, чтобы организовать облаву на Санта-Клауса.

– Я не возражаю против того, чтобы поехать в офис окружного прокурора, – заявил Кирнан Стеббинсу. – В данных обстоятельствах я вообще не вправе возражать. Но мы уже рассказали вам все, что знали. Я – точно. Мне кажется, у вас сейчас одна задача – поймать убийцу.

– Не хотите же вы сказать, – вмешалась миссис Джером, – что никто из присутствующих ничего о нем не знает?

– По вашим словам, выходит именно так, – ответил Пэрли. – Никто не знал даже, что здесь вообще будет Санта-Клаус. Во всяком случае я понял так. Сюда его привел Боттвайль, без четверти три, из своего кабинета. По-видимому, Боттвайль сам договорился с ним, и Санта-Клаус, поднявшись на личном лифте Боттвайля, переоделся прямо в его кабинете. Могу вам сообщить, что это подтверждается фактами. Костюм Санта-Клауса был продан в магазине «Бёрлесон», что на Сорок шестой улице. Мистер Боттвайль позвонил туда вчера днем и попросил доставить костюм сюда с пометкой лично для него. Мисс Кван признала, что получила сверток и сама отнесла Боттвайлю в кабинет.

Если верить полицейским, то никто никогда не констатирует какой-то факт, не заявляет, не сообщает и даже не докладывает, а признает.

– Кроме того, – признался Пэрли, – мы сейчас проверяем агентства, в которых могли бы заказать услуги Санта-Клауса, но это задача непростая. В агентствах часто сами не знают, с кем имеют дело. Если у нашего Санта-Клауса имелись судимости, то вполне понятно, что, увидев, какая поднялась заваруха, он счел за благо исчезнуть. Пока внимание всех было приковано к Боттвайлю, он незаметно прошел в кабинет, переоделся и был таков. Костюм бросил в лифте. Если мы правы и Санта-Клаус был обычным человеком, нанятым через агентство, то убивать Боттвайля у него причин не было. Кроме того, он не мог знать, что Боттвайль пьет только перно, и уж тем более не мог знать, где хранится яд.

– К тому же, – добавил Эмиль Хетч, сидевший мрачнее тучи, – если его наняли в агентстве, бежать для него было бы не просто глупо, но безрассудно. Ведь его неминуемо разыщут. Так что навряд ли его наняли через агентство. Это, должно быть, кто-то из знакомых Боттвайля, который знал и про перно, и про яд и к тому же имел серьезную причину, чтобы убить Боттвайля. А вы только понапрасну тратите время, занимаясь агентствами.

Стеббинс передернул мощными плечами:

– Наша работа в том и заключается, чтобы тратить время на розыск, мистер Хетч. Возможно, наш Санта-Клаус настолько перетрусил, что не отдавал себе отчета в своих действиях.

Я, конечно, понимаю, что в случае удачи, если выяснится, что его и впрямь наняли с помощью агентства, Санта-Клаус окажется непричастным к убийству, но ведь бутылку-то отравили. Я хочу, чтобы вы это хорошо понимали и не удивлялись, почему вас просят оставаться дома по указанным вами адресам. И не заблуждайтесь относительно серьезности этой просьбы.

– Не имеете ли вы в виду, – резко спросила миссис Джером, – что нас всех подозревают? Что и я, и мой сын находимся под подозрением?

Пэрли открыл было рот, но почти сразу захлопнул его. Сталкиваясь с подобными дамочками, приходится давить свои порывы. Ясное дело – он собирался в ответ брякнуть: «Разумеется, черт побери!» Вместо этого ему пришлось со всей возможной кротостью заявить:

– Я хочу сказать только одно: мы должны непременно разыскать этого Санта-Клауса, а уж потом посмотрим. Если окажется, что он ни при чем, нам придется продолжить розыск убийцы, и мы очень рассчитываем на вашу помощь. Уверен, что все вы готовы оказать нам посильную помощь. Не так ли, миссис Джером?

– Я бы с удовольствием помогла вам, но я ровным счетом ничего не знаю. Кроме одного: моего любимого и обожаемого друга больше нет в живых, а я вовсе не намерена терпеть ни угроз, ни оскорблений. А что вы такое сказали насчет яда?

– Это вам известно. Вас уже расспрашивали.

– Да, конечно, но что вы хотели сказать?

– Вы должны были уже и сами понять это из вопросов, которые вам задавали. Врач, осматривавший тело, считает, что убийца использовал цианистый калий, и рассчитывает подтвердить свой вывод во время вскрытия. Эмиль Хетч пользуется цианистым калием, занимаясь чеканкой и гальванопокрытием. В мастерской, на нижнем этаже, в шкафу стоит целая банка цианида, а в мастерскую из кабинета Боттвайля ведет винтовая лестница. Любой из тех, кто знал это, а также то, что Боттвайль держит целую коробку перно в своем шкафу и что в ящичке стола всегда стоит откупоренная бутылка, не мог даже мечтать о более удачном стечении обстоятельств. Четверо из вас признались в том, что им известно и о том, и о другом. Еще трое – миссис Джером, Лео Джером и Арчи Гудвин – признали, что им известно о перно, но отрицают, что знали о цианистом калии. Поэтому...

– Это неправда! Она знала о цианистом калии!

Рука миссис Перри Портер Джером взлетела с колена сына, которое сжимала, и хлестко ударила Черри Кван по щеке. Лео Джером судорожно вцепился в руку матери и повис на ней. Альфред Кирнан вскочил. Мне даже показалось, что он собирается разделаться с миссис Джером. Однако Марго Дики разгадала его намерения, а потому схватила Кирнана за пиджак и удержала. Черри приложила ладонь к пострадавшей щеке и сидела, не раскрывая рта и не шевелясь.

– Сядьте на место! – приказал Стеббинс Кирнану. – И возьмите себя в руки. Мисс Кван, вы говорите, что миссис Джером знала о цианистом калии?

– Конечно знала, – прочирикала мисс Кван. – Однажды в мастерской мистер Хетч в моем присутствии объяснил ей, как он им пользуется и какую осторожность соблюдает.

– Мистер Хетч? Вы подтверждаете...

– Ерунда! – отрезала миссис Джером. – Что из того, что он мне объяснил? Я давно и думать об этом забыла. Повторяю: я не потерплю никаких оскорблений!

Пэрли пристально посмотрел на нее:

– Послушайте, миссис Джером, если мы разыщем Санта-Клауса и окажется, что он был знаком с Боттвайлем и имел основания его недолюбливать, то все может на этом закончиться. В противном же случае никому, включая вас, никакие разговоры про оскорбления не помогут. До сих пор, насколько мне известно, только один из вас солгал нам. Это вы. Это будет занесено в протокол. Учтите, что для любого из вас ложь обернется неприятностями, тогда как нам, как ни странно, это лишь на руку. На этом мы с вами расстанемся. Мистер Кирнан и мистер Хетч,

эти люди, – Стеббинс указал на двух сыщиков, стоящих у него за спиной, – отвезут вас в офис окружного прокурора. Остальные могут быть свободны. Только не забывайте о моих словах. Гудвин, я хочу с тобой побеседовать.

Он уже со мной беседовал, но я не стал заострять на этом внимание. Кирнан же оказался менее уступчивым и сказал, что должен уйти последним, чтобы запереть все двери. Стеббинс не стал чинить ему препятствий. Все три женщины, Лео Джером, Стеббинс и я спустились на лифте, оставив сыщиков с Кирнаном и Хетчем наверху. Стоя на тротуаре, я проводил взглядом разбредавшихся по сторонам женщин и Лео Джерома, но признаков слежки не заметил. Снегопад по-прежнему не унимался – радостная перспектива для Рождества и уборщиков улиц. Возле тротуара поджидали две полицейские машины, и Пэрли, подойдя к одной из них и запахнув дверцу, кивком пригласил меня залезть внутрь.

– Если мне тоже предлагают прокатиться в офис окружного прокурора, – возразил я, – то я хотел бы сперва поесть. Помню, как-то раз меня там чуть голодом не уморили.

– Окружной прокурор тебя не ждет, – ухмыльнулся Стеббинс. – Пока, во всяком случае. Я просто предлагаю тебе укрыться от снега.

– Это меняет дело, – согласился я и проскользнул внутрь, двигаясь подальше, чтобы освободить место для Пэрли.

А места ему требовалось предостаточно. Взгромоздившись на сиденье, он захлопнул дверцу.

– Раз мы все равно сидим в машине, – предложил я, – почему бы нам заодно не прокатиться? По городу можешь не колесить – просто высади меня на Тридцать пятой улице.

Но Пэрли неожиданно заупрямился:

– Я не люблю разговаривать во время езды. Как, впрочем, и слушать. Что ты здесь делал сегодня?

– Я уже говорил. Развлекался. Прodeгустировал три марки шампанского. Меня пригласила мисс Дики.

– Попробуй еще разок. Из всей компании ты единственный посторонний. Почему? Для мисс Дики ты кем-то особенным не являешься. Она собиралась выйти замуж за Боттвайля. Итак, почему?

– Спроси у нее.

– Мы уже спрашивали. Она сказала, что особых причин приглашать тебя у нее не было. Еще добавила, что ты нравился Боттвайлю, да и остальные считали тебя за своего с той поры, как ты разыскал для них какие-то гобелены. Говорила она сбивчиво, подбирая слова. К тому же всякий раз, как случается убийство, а ты оказываешься поблизости, мне любопытно знать почему. Спрашиваю в последний раз.

Значит, она не стала упоминать про разрешение на бракосочетание. Молодец! Я бы с большим удовольствием слопал весь снег, выпавший в Нью-Йорке начиная с полудня, чем попытался объяснить происхождение этой бумажки сержанту Стеббинсу или инспектору Кремеру. Именно по этой причине я и перерыл корзину для бумаг.

– Спасибо за доверие, – ответил я, – но злоупотреблять им не стану. Я уже поведал тебе как на духу обо всем увиденном и услышанном сегодня. – Тут я поневоле очутился в одной компании с миссис Джером, поскольку умолчал о разговоре с Марго. – И рассказал все, что мне известно об этих людях. Оставь меня в покое и отправляйся ловить убийцу.

– Я знаю тебя как облупленного, Гудвин.

– Да, и ты даже называл меня Арчи. Я свято лелею память об этом.

– Я тебя слишком хорошо знаю, – задумчиво произнес он, его крупная голова на бычьей шее повернулась ко мне, и наши глаза встретились. – Не думаешь же ты, что я способен поверить в то, что этот парень удрал из комнаты, а ты его не заметил?

– Ерунда! Я сидел на полу, у меня на руках умирал человек, а все остальные сгрудились вокруг нас. Да ты и сам прекрасно знаешь, что несешь вздор. Не считаешь же ты меня сообщником убийцы.

– А я вовсе не говорил, что считаю тебя сообщником. Даже если Санта-Клаус и был в перчатках, а зачем они ему понадобились, как не для того, чтобы не оставить отпечатков, я не утверждаю, что он убийца. Но если тебе вдруг известно, кто он такой, то ты пытаешься по какой-то причине его выгородить и сейчас водишь нас за нос, что тогда?

– Тогда было бы скверно, согласен. Посоветуйся я с самим собой, то первый выступил бы против.

– Черт побери! – рявкнул Пэрли. – Ты знаешь его или нет?

– Нет.

– Ни ты, ни Вулф не приложили руки к тому, чтобы он появился там?

– Нет.

– Ладно, проваливай. А в управление тебя пригласят как пить дать.

– Надеюсь, что не сегодня. Устал как собака. – Я распахнул дверцу. – Мой адрес ты знаешь.

Я перепрыгнул через сугроб, а Пэрли запустил мотор, и машина с ревом рванулась вперед.

Время для того, чтобы поймать свободное такси, было самое подходящее, но из-за чертова снегопада мне пришлось померзнуть целых десять минут, прежде чем рядом притормозила желтая машина. Когда мы подкатили к крыльцу нашего старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, было уже без восьми восемь.

Как и всегда, когда меня нет, дверь была на засове, так что пришлось звонить, чтобы Фриц открыл. Я поинтересовался, вернулся ли Вулф, и Фриц ответил, что да, мол, вернулся и изволит обедать. Убрав шляпу на полку и повесив пальто, я полюбопытствовал, осталось ли хоть что-нибудь для меня, а Фриц серьезно ответил, что да, осталось, и даже очень много, и отступил в сторону, пропуская меня в столовую. Да, по манерам Фриц даст сто очков вперед любому дворецкому.

Вулф, рассевшийся в необъятном кресле за столом, поздоровался со мной, причем вполне нормально, даже не пролаял. Я ответил любезностью на любезность, сел на свое место, развернул на коленях салфетку и извинился за опоздание. Фриц принес мне теплую тарелку, судок с тушеными утками и блюдо с картофелем, запеченным с грибами и сыром. Я, не скупясь, положил себе изрядную порцию. Вулф спросил, идет ли еще снег, и я ответил, что да. Потом, проглотив несколько кусочков, я нарушил молчание сам:

– Насколько вам известно, я вполне одобряю ваше правило никогда не говорить о делах во время трапезы, но я угодил в передрыгу, которая к делам не относится. Она касается только меня лично.

Вулф хрюкнул:

– О гибели мистера Боттвайля сообщили по радио в семь часов. Ты был там.

– Да. Я был там. Я стоял рядом с ним на коленях, когда он умирал.

Я отправил в рот очередной кусок. Черт бы побрал это дурацкое радио! Я вовсе не собирался даже заикаться об убийстве до тех пор, пока не прояснил бы более важный, с моей точки зрения, вопрос. Когда во рту освободилось достаточно места, чтобы ворочать языком, я произнес:

– Могу доложить обо всем подробно, если пожелаете, но сомневаюсь, чтобы нам удалось заполучить клиента. Единственная подозреваемая с достаточно набитой мошной, чтобы уплатить вам гонорар, – миссис Перри Портер Джером, но она уже уведомила сержанта Стеббинса, что не намерена терпеть угрозы и оскорбления. К тому же, если они разыщут Санта-Клауса, вопрос о поимке убийцы может отпасть сам собой. Я же хочу рассказать о том, что случилось

до того, как Боттвайль скончался. То разрешение на вступление в брак, что я вам показывал, яйца выеденного не стоит. Мисс Дики передумала. Я выкинул два доллара коту под хвост. Она заявила мне, что решила выйти за Боттвайля.

Вулф обмакнул корочку пирога в лужицу соуса на своей тарелке.

– Вот как? – произнес он.

– Да, сэр. Удар был для меня, конечно, страшный, но со временем я бы оправился. Однако десять минут спустя скончался Боттвайль. Что мне оставалось делать? Несмотря на суету и приставания полицейских, я сумел как следует обмозговать случившееся. Я пришел к выводу, что не стану унижаться и делать изменнице повторное предложение. Конечно, я мог бы раскошелиться еще на пару долларов и обзавестись новым разрешением, но не хочу, чтобы эта ветреница перед алтарем известила меня, что опять передумала и хочет выскочить за какого-нибудь проходимца. Нет, пусть это и разобьет мое сердце, но я постараюсь забыть ее. Вычеркну ее из своей жизни.

Я вернулся к утенку и запустил зубы в сочное мясо.

Вулф тоже усиленно жевал. Наконец, проглотив кусок, он изрек:

– Для меня это, конечно, вполне приемлемо.

– Я знаю. Так рассказать вам про смерть Боттвайля?

– После обеда.

– Хорошо. Как прошла встреча с Томпсоном?

Однако и эта тема не прельстила Вулфа. Собственно говоря, и остальные мои попытки расшевелить его оказались тщетными. Обычно он любит болтать за столом. Причем на любую тему – от холодильников до республиканцев, но, должно быть, бедняга выдохся после долгого, утомительного и полного смертельных опасностей путешествия на Лонг-Айленд и обратно. Впрочем, меня это вполне устраивало, поскольку и у меня денек выдался непростой. Когда мы расправились с утятами, картофелем, салатом, печеными грушами, сыром и кофе, Вулф благодарно хрюкнул и отодвинул кресло назад.

– Я хочу почитать одну книгу, – сказал он. – Она наверху, в твоей комнате. «Здесь и теперь» Герберта Блока. Принеси ее сюда, пожалуйста.

Хотя это означало, что мне придется преодолеть два этажа по лестнице на полный желудок, я с радостью согласился – надо же было воздать Вулфу должное за то, что он так спокойно воспринял весть о моих рухнувших надеждах. А ведь мог бы изрядно поднапрячь свои голосовые связки. Словом, я весело взлетел по лестнице, ворвался в свою комнату и подскочил к полкам, на которых стояли мои книги. Книг у меня немного, всего пара дюжин, так что я прекрасно знал, где какую искать. Тем не менее «Здесь и теперь» на месте не оказалось. Там, где она была, зияла пустота. Я огляделся по сторонам, заметил какую-то книгу на комод и шагнул к нему. Это и впрямь оказалась «Здесь и теперь», на которой сверху лежали белые хлопчатобумажные перчатки.

У меня отвалилась челюсть.

Глава 4

Я рад был бы похвастаться, что сразу смекнул, где собака зарыта, едва увидел эти перчатки, но, увы, это было бы неправдой. Я взял перчатки, повертел так и сяк и даже надел одну из них на руку, прежде чем окончательно осознал, что объяснение появлению здесь перчаток возможно лишь одно. Стоило мне прийти к этому выводу, как шарики в голове завертелись и мысли закружились в беспорядочном хороводе. Я потрянул головой и уселся, чтобы подумать. Мне понадобилась примерно минута, чтобы сформулировать первое мало-мальски вразумительное умозаключение.

Вулф решил таким образом признаться мне, что под личиной Санта-Клауса скрывался не кто иной, как он, с той целью, чтобы я мог как следует обмозговать полученные сведения в одиночку, прежде чем обсудить с Вулфом.

Но почему Вулф захотел, чтобы я размышлял в одиночестве? Ответ на этот вопрос я искал уже дольше, но все же додумался до единственного приемлемого решения. Вулф отказался от встречи с Томпсоном и договорился с Боттвайлем о том, что придет к нему на вечеринку в костюме Санта-Клауса, поскольку сама мысль о том, что в его доме поселится женщина или, как альтернатива, что я перееду жить в другое место, была для него настолько невыносимой, что заставила пуститься во все тяжкие. Ему во что бы то ни стало нужно было увидеть меня вместе с Марго и поговорить с ней, если подвернется удобный случай. Если бы он выяснил, что я блефую, я оказался бы целиком в его власти; он издевался бы надо мной как хотел – заявлял бы, что рад принять в своем доме мою невесту, и с садистским удовольствием наблюдал бы, как я пытаюсь выкрутиться. И наоборот, если бы он понял, что я настроен серьезно, и поверил в истинность моих намерений, это дало бы ему время для раздумий. В обоих случаях он выигрывал. Но самое главное – он продемонстрировал, насколько дорожит мной. Он дал понять, что не хочет меня потерять ни за какие деньги. Конечно, Вулф скорее на целую неделю отказался бы от пива, чем признался в подобной слабости, но в данную минуту он был беглецом от правосудия в деле об убийстве и остро нуждался в моей помощи. Что ж, придется ему подыграть. Будем считать, что он променял Лонг-Айленд на рождественскую вечеринку только лишь потому, что обожает наряжаться Санта-Клаусом и прислуживать за стойкой бара.

Какой-то отдаленный уголок моего мозга настаивал на том, что я должен попросить прибавку к жалованью с Нового года, но я отмел эту мысль как недостойную.

Я пытался рассмотреть загадку и с других сторон. Перчатки Вулф нацепил, чтобы я не узнал его по рукам. Где он их взял? В котором часу приехал к Боттвайлю? Кто его видел? Знал ли Фриц, куда отправляется Вулф? Как он вернулся домой? Впрочем, довольно скоро я понял, что Вулф послал меня наверх не для того, чтобы я мучился вопросами, ответить на которые мог он сам, и вновь принялся ломать голову над истинной причиной его поступка. Решив наконец, что никаких тайных умыслов Вулф больше не вынашивал, я прихватил книгу и перчатки, спустился по лестнице и вошел в кабинет.

При моем появлении Вулф чуть приподнял голову и молча наблюдал, как я приближаюсь к столу.

– Вот, пожалуйста, – сказал я и протянул ему книгу. – А за подарок спасибо. Они мне в самый раз.

Для вящей убедительности я повертел перчатки.

– Сейчас не время паясничать! – прорычал Вулф.

– Разумеется. – Я небрежно бросил перчатки на свой стол, развернул стул и уселся. –

Итак, с чего начнем? Хотите знать, что случилось после вашего бегства?

– Подробности могут подождать. Сначала – главное. Мистер Кремер приезжал?

– Да. Еще бы!

– Он чего-нибудь добился?

– Нет. И, по всей вероятности, не добьется, пока не найдет Санта-Клауса. До тех пор пока они не разыщут Санта-Клауса, к остальным особенно приставать не будут. А чем дольше продлятся поиски, тем больше они уверятся, что убийца – Санта-Клаус. Три штриха к его портрету: никто не знает, кто он такой, он смылся с места преступления, и он был в перчатках. На его поиски брошены все силы. Вы поступили мудро. Без перчаток я бы опознал вас. Но где вы их взяли?

– В магазине на Девятой авеню. Проклятье! Кто мог предположить, что его собираются убить!

– Согласен с вами. Могу я задать один вопрос?

Вулф злобно уставился на меня. Я решил, что это знак согласия.

– Когда вы позвонили Боттвайлю, чтобы договориться об этом маскараде?

– Вчера днем, в половине третьего. Пока ты ходил в банк.

– У вас есть основания полагать, что он мог кому-нибудь проболтаться?

– Нет. Он пообещал, что это останется между нами.

– Будем надеяться. Костюм он купил сам, так что тут все в порядке. Уехав сегодня из дома в половине первого, вы сразу отправились к Боттвайлю?

– Нет. Я уехал только потому, что вы с Фрицем ожидали этого от меня. Сначала я заехал за перчатками, потом мы с мистером Боттвайлем встретились за ланчем в «Рустермане». Оттуда поехали на такси к нему и поднялись в его личном лифте в кабинет. Это было в начале третьего. Мистер Боттвайль сразу же полез в ящик стола, достал бутылку перно, сказал, что всегда выпивает немного после ланча, и предложил мне составить ему компанию. Я отказался. Он налил чуточку перно в стакан, около двух унций, выпил в два глотка и убрал бутылку в ящик.

– О господи! – Я присвистнул. – Дорого бы дали в полиции, чтобы услышать об этом.

– Не сомневаюсь. Костюм Санта-Клауса был упакован в коробку. К кабинету примыкает гардеробная с ванной комнатой...

– Знаю. Мне доводилось ею пользоваться.

– Я взял костюм и переоделся там. Мистер Боттвайль заказал самый большой размер, но костюм все равно оказался тесноват, так что пришлось повозиться. Я провел там около получаса или немного больше. Когда я вернулся в кабинет, в нем не было ни души, но вскоре мистер Боттвайль вернулся – поднялся по лестнице из мастерской – и помог мне нацепить парик и маску. Едва мы покончили с маскарадом, как появились Эмиль Хетч, миссис Джером и ее сын. Они также поднялись по лестнице. Я вышел в студию, где застал мисс Кван, мисс Дики и мистера Кирнана.

– А вскоре подросел и я. Следовательно, без маски вас не видел никто. А когда вы надели перчатки?

– В самую последнюю очередь. Перед тем как войти в студию.

– Значит, отпечатки ваших пальцев где-то могли остаться. Я понимаю. Вы не предполагали, что Боттвайля убьют. И свою одежду вы оставили в туалетной комнате. Вы уверены, что, уходя, ничего не забыли там?

– Да. Я все-таки не полный идиот.

Я воздержался от комментариев, но спросил:

– А почему вы не оставили перчатки в лифте вместе с маскарадным костюмом?

– Перчатки приобрелись отдельно от костюма, поэтому я счел, что благоразумнее будет не оставлять их.

– Личный лифт Боттвайля расположен в задней части вестибюля, внизу. Кто-нибудь видел, как вы выходили из здания или пересекали вестибюль?

– Нет. Внизу не было ни души.

– А как вы добрались домой? Взяли такси?

– Нет. Фриц ждал меня не раньше шести или даже позже. Я прогулялся пешком до библиотеки, просидел там часа два и уже оттуда поехал домой на такси.

Я поджал губы и сочувственно покачал головой. Со времени поездки в Черногорию¹ на его долю не выпадало столь длительных и трудных путешествий. Больше мили! Прокладывая себе дорогу в пургу, подгоняемый страхом перед суровым и беспощадным преследователем – законом. Впрочем, поскольку в ответ на свое сочувствие я удостоился лишь свирепого взгляда, развивать эту тему я не стал. Зато дал волю своим чувствам. Громко расхохотался. Закинув голову назад и схватившись за живот. Мне хотелось сделать это с той самой секунды, как я выяснил, кто скрывался под маской Санта-Клауса, но все было недосуг из-за тревожных мыслей. Вволю насмеявшись, я утер слезы и перевел дух. И хотел было уже сострить, но Вулф внезапно взорвался.

– Проклятье! – проревел он. – Женись и катись к дьяволу!

Ого! Дело воистину принимало серьезный оборот. Я окончательно убедился, что был прав, когда догадался, что Вулф отправил меня наверх поразмыслить в одиночестве. С моей стороны требовалось проявить мудрость и такт.

– Прошу прощения, – расшаркался я. – Что-то в горло попало. Сами опишете, как вы это себе представляете, или позволите мне?

– Я предпочел бы послушать тебя, – мрачно пробурчал Вулф.

– Да, сэр. Мне представляется, что мы должны пригласить инспектора Кремера на дружескую беседу и, когда он придет, честно повиниться во всех грехах. Тогда...

– Нет. Я на это не пойду.

– Тогда я сам пойду к нему и выложу все без утайки. Конечно...

– Нет! – В голосе Вулфа прозвенел металл.

– Хорошо, тогда объясню, как я мыслю. В полиции не станут ничего предпринимать до тех пор, пока не найдут Санта-Клауса. А найдут его обязательно. Это как пить дать. Если он оставил где-нибудь хоть один отпечаток, его сравнят с отпечатками из всех имеющихся в их архивах досье и рано или поздно до вас доберутся. Их люди прочешут все магазины, торгующие мужскими перчатками. Они проследят за всеми передвижениями Боттвайля и неизбежно разнюхают, что вы вместе были на ланче в «Рустермане», после чего ваша песенка спета. Они узнают, что вы вместе приехали и поднялись к нему в кабинет. Это, конечно, не доказывает, что Санта-Клаус – вы, но после того, как они выяснят, что вы сами приобрели перчатки, я вам не завидую. Впрочем, можете наврать им с три короба. Скажите, например, что заключили со мной пари на сотню зеленых... даже на тысячу – чего нам мелочиться! – что проведете со мной в одной комнате десять минут, а я вас не узнаю. А я с радостью вам подыграю. – Я подался вперед. – И еще кое-что. У Кремера уже давно руки чешутся упрятать вас за решетку, а в данном случае любой судья даст согласие на то, чтобы задержать вас как важного свидетеля, который скрылся с места преступления. Если же вы позвоните мистеру Кремеру и пригласите посидеть и попить пивка в теплой и дружественной обстановке, то можете отделаться легким испугом, хотя и вынуждены будете потерпеть кое-какие неудобства. И последнее. Если вы заупрямитесь и дождетесь, что полиция сама вас разоблачит, вы уже не осмелитесь дать показания о том, что Боттвайль в вашем присутствии приложился к бутылке и остался жив. В таком случае вас упекут за сокрытие важных улик. Если же вы позовете Кремера и выложите все как на духу, он будет весьма признателен, хотя виду, конечно, не подаст. Думаю, он сейчас у себя. Позвонить ему?

– Нет. Я не могу признаться мистеру Кремеру в содеянном. Нельзя же допустить, чтобы заголовки утренних газет пестрели разоблачением этого неслыханного маскарада.

¹ Отсылка к роману Р. Стаута «Черная гора».

– Значит, вы собираетесь сидеть в кресле и читать «Здесь и теперь» до тех пор, пока не нагрянут полицейские с ордером на арест?

– Нет. Это было бы бессмысленно. – Вулф втянул воздух ртом и шумно выдохнул через нос. – Я сам найду убийцу и сдам его мистеру Кремеру. Ничего другого мне не остается.

– Ах вот, значит, как?

– Да.

– Могли бы сказать сразу, а не слушать, как я тут распинаюсь.

– Я хотел послушать, совпадает ли твой анализ сложившейся ситуации с моим. Я вполне удовлетворен.

– Замечательно! Тогда вы должны отдавать себе отчет в том, что в нашем распоряжении могут быть две недели, но с таким же успехом и две минуты. Возможно, в данную секунду какой-нибудь чересчур прыткий дактилоскопист уже звонит Кремеру, чтобы сообщить ему приятную новость: найденные отпечатки как две капли воды совпадают с хранящимися в полицейском архиве отпечатками Ниро Вул...

Зазвонил телефон, и я подпрыгнул на стуле, словно в меня воткнули булавку. Неужели я хватил через край, предположив, что в нашем распоряжении всего две минуты? Но трубку я поднял недрогнувшей рукой. Так мне показалось. Вулф редко снимает трубку с параллельного аппарата, установленного на его столе, пока не выяснит, кто мой собеседник. На этот же раз он схватил ее сразу и, не мешкая, поднес к уху.

– Кабинет Ниро Вулфа, у телефона Арчи Гудвин, – уверенно произнес я.

– Вам звонят из офиса окружного прокурора, мистер Гудвин. По поводу убийства Курта Боттвайля. Мы хотели бы видеть вас завтра у себя в десять утра.

– Хорошо. Буду обязательно.

– Не опаздывайте, пожалуйста.

– Буду ровно в десять.

Трубки мы положили одновременно. Вулф вздохнул. Я последовал его примеру.

– Что ж, – начал я, – поскольку я уже битых десять раз повторил им, что ровным счетом ничего не знаю про Санта-Клауса, будем надеяться, что этот вопрос мне больше не зададут. В противном случае было бы любопытно сравнить мой голос, когда я говорю правду, и когда беззастенчиво лгу.

– Ладно, – хмыкнул Вулф. – Я хочу знать во всех подробностях о том, что случилось там после моего ухода. Но сначала – исходные данные. Думаю, благодаря твоим интимным отношениям с мисс Дики, ты хорошо знаешь, что представляют собой эти люди. Итак?

– Не очень хорошо. – Я прокашлялся. – Пожалуй, я должен вам кое в чем признаться. Дело в том, что я не состою в интимных отношениях с мисс Дики... – Я замолчал.

Задача оказалась даже тяжелее, чем я представлял.

– Подбери другое прилагательное. Я не собирался ни на что намекать.

– Дело вовсе не в прилагательных. Мисс Дики изумительно танцует – равных ей по этой части я не встречал – и за последние два месяца мы раз семь или восемь ходили с ней по танцевальным залам и клубам. В понедельник вечером, когда мы танцевали в клубе «Фламинго», она попросила меня об одолжении. По ее словам, Боттвайль, который обещал жениться на ней еще год назад, тянет резину и увиливает от прямого ответа, и она хочет предпринять что-нибудь, чтобы вправить ему мозги. К тому же Черри Кван начала его всерьез обхаживать, а мисс Дики не хотелось бы уступать Боттвайлю сопернице. Вот мисс Дики и попросила, чтобы я достал бланк брачного разрешения, вписал туда наши с ней имена и отдал ей. Она собиралась показать эту бумажку Боттвайлю и заявить в лоб – либо сейчас, либо никогда. Мне ее выдумка приглянулась, поскольку не сулила никакого риска, да и танцует мисс Дики, как я уже говорил, просто изумительно. Во вторник днем я раздобыл бланк – не стану уточнять, как мне

это удалось, – и в тот же вечер у себя в комнате заполнил его, скрепив липовое разрешение выдуманной подписью.

В горле Вулфа что-то заклокотало.

– Вот и все, – закончил я исповедь. – В оправдание могу сказать одно: у меня и в мыслях не было показывать вам эту бумажку. Но вы меня жутко разозлили, когда взяли в руки книгу. Ваша память не уступает моей, и вы наверняка заметили, как перед самым приходом Боттвайля и миссис Джером мы с Марго отошли в сторону, чтобы спокойно поговорить. Она сказала мне, что бумажка сработала. Дословно это звучало так: «Потрясающе! Лучшего нельзя было и ожидать!» Она добавила также, что накануне вечером, сидя в своем кабинете, Боттвайль разорвал наше брачное разрешение и выбросил в корзинку для бумаг. Не беспокойтесь – полицейские их не нашли. Я тщательно перерыл корзинку перед приходом полиции, но его там не оказалось.

Губы Вулфа шевелились, но рта он не открывал. Не посмел. Конечно, он сгорал от желания растерзать меня на месте или хотя бы упрекнуть в том, что из-за моего неслыханного поведения он угодил в такой переплет, но прекрасно понимал, что в таком случае ему пришлось бы упоминать о крайне неприятной для него теме. Вулф наверняка заметил, что я прочитал его мысли. Он еще немного пожевал губами и наконец проронил:

– Значит, ты не состоишь в интимных отношениях с мисс Дики?

– Нет, сэр.

– Пусть так. Но она все равно должна была рассказывать тебе об этих людях.

– Да, кое-что рассказывала.

– И один из них убил Боттвайля. Яд положили в бутылку между десятью минутами третьего, когда я видел, как Боттвайль налил себе перно, и половиной четвертого, когда Кирнан унес бутылку с собой. В те полчаса, что я переодевался в гардеробной, на личном лифте Боттвайля никто не поднимался. Конечно, зайти кто-нибудь в кабинет к Боттвайлю, я бы шагов не услышал, но шахта лифта вплотную примыкает к стене гардеробной, и звук движущегося лифта не ускользнул бы от моих ушей. Более того, временной промежуток должен быть, по-видимому, еще более сужен, поскольку, когда я уходил в студию, в кабинете вместе с Боттвайлем оставались еще трое. Следовательно, яд могли подсыпать в то время, пока я переодевался. Итак, что тебе известно об этих людях?

– Немного. Причем только со слов Марго. Миссис Джером вложила в его бизнес полмиллиона и считает поэтому, что владеет им. Вернее, считала. Она страшно ревновала Боттвайля к Марго и Черри. Что касается Лео, то поскольку его мамаша столь бесцеремонно вкладывала деньги, унаследовать которые он так рассчитывал, в бизнес Боттвайля да еще и собиралась выйти за него замуж, Лео мог бы, пожалуй, поддасться соблазну, если бы знал, где находится яд. Кирнана я знаю похуже, но, судя по одной реплике Марго, а также по пылким взглядам, которые он бросал сегодня днем на Черри, мне кажется, что он был бы не прочь примешать немного ирландской крови к ее китайско-индийско-голландскому коктейлю. Будучи загнанным Боттвайлем в тупик, он бы тоже мог соблазниться. Вот и все сплетни.

– Мистер Хетч?

– Марго про него ничего не говорила, но я имел с ним дело во время розыска пропавших гобеленов. Я бы ничуть не удивился, если бы в один прекрасный день Хетч отправил на тот свет всю их компанию. В его жилах течет не кровь, а серная кислота. Сам он гениальный дизайнер и художник – по его словам, конечно. Он как-то даже признался мне, что всем своим успехом и процветанием фирма обязана только ему, хотя открыто его заслуг никто не признает. Он, правда, не сказал, что считает Боттвайля обманщиком и фанфароном, но думает наверняка именно так. Вы, должно быть, помните, как я сказал вам, что у него мания преследования, но вы велели мне не употреблять научных терминов.

– Это четверо. Мисс Дики?

Я приподнял брови:

– Я раздобыл для нее разрешение на брак, а не на убийство. Если она солгала, сказав мне, что бумажка сработала, то лжет она столь же непревзойденно, как и танцует. Возможно, вы правы. Если бумажка на самом деле не сработала, Марго тоже имела бы на него зуб.

– И мисс Кван?

– Она наполовину азиатка. Я слабо разбираюсь в восточных людях, но одно я понял: они специально сделали свои глаза раскосыми, чтобы выглядеть загадочнее. Если бы мне было предписано погибнуть от руки кого-нибудь из их шайки, я предпочел бы, чтобы яд подложила именно она. Правда, Марго как-то раз сказала...

В дверь позвонили. Это похуже, чем телефон. Если они разгадали тайну Санта-Клауса и убедились, что след ведет к Вулфу, то для Кремера куда естественнее прийти самому, чем звонить по телефону. Мы с Вулфом обменялись взглядами. Я посмотрел на наручные часы, увидел, что стрелки показывают восемь минут одиннадцатого, встал, вышел в прихожую, щелкнул выключателем наружного освещения и, приблизившись к двери, посмотрел наружу сквозь одностороннее стекло. Мне пришлось приглядеться внимательнее, чтобы узнать женщину, укутанную в шубу с капюшоном. Затем я вернулся в кабинет и сообщил:

– Черри Кван. Без сопровождающих.

Вулф насупился.

– Я хотел... – начал было он, но осекся. – Очень хорошо. Проведи ее.

Глава 5

Я уже говорил, что Черри Кван способна украсить любой интерьер, так что, сами понимаете, в красном кожаном кресле она смотрелась просто потрясающе. Хотя в нем без труда поместились бы три Черри Кван. Шубка осталась в прихожей на вешалке, и Черри сидела в том же шерстяном свитере, который я заметил на ней во время рождественской вечеринки. Не в желтом, нет, а скорее в канареечно-золотистом, который удивительно гармонировал с красной обивкой кресла и смуглым личиком Черри.

Присев на самый краешек, Черри выпрямила спину и опустила ладони на колени.

– Я не стала звонить из опасения, что вы откажете мне во встрече, – потупив взор, сказала она. – Поэтому я просто взяла и пришла. Вы сможете меня простить?

Вулф только хмыкнул в ответ. Весьма неопределенно. А вот Черри, глядя на него, улыбнулась, и, как мне показалось, вполне дружелюбно. Ох уж этот Восток!

– Я должна взять себя в руки, – зашебетала Черри. – Я жутко нервничаю, ведь тут все так необычно. – Она повертела головой по сторонам. – Вот ваш знаменитый глобус, и книжные полки, и сейф, и диван, и, конечно, Арчи Гудвин. И вы сами. За письменным столом в этом громаднейшем кресле! О, сколько я слышала о вашем доме! И сколько читала... должно быть, все, что только существует. Мне даже не верится, что я сижу в знаменитом красном кожаном кресле и вижу перед собой вас. Я, конечно, видела вас сегодня днем, но это не в счет. В нелепом наряде Санта-Клауса вы могли сойти за кого угодно. Мне так хотелось подергать вас за усы! – И она рассмеялась – звонко, заливисто, как серебристый колокольчик.

Признаться, физиономия у меня, наверное, была преглупая. Я даже не сразу смекнул, что к чему. Я был слишком занят, пытаюсь не показывать вида, насколько ошарашен, и не взглянул на Вулфа. Впрочем, ему приходилось еще тяжелее, поскольку Черри смотрела на него в упор. Когда он заговорил, я покосился в его сторону.

– Если я вас верно понял, мисс Кван, то вы меня озадачили. Если вы считаете, что сегодня днем видели меня в костюме Санта-Клауса, то вы заблуждаетесь.

– Простите, пожалуйста! – всплеснула руками Черри. – Значит, вы им не рассказали?

– Послушайте, мисс Кван! – Голос Вулфа прозвучал неожиданно жестко. – Если хотите говорить загадками, то говорите с мистером Гудвином. Это его стихия.

– Мне и вправду страшно жаль, мистер Вулф. Наверное, следовало объяснить вам, откуда я это знаю. Дело в том, что сегодня утром за завтраком Курт рассказал мне о том, как вы ему позвонили и условились прийти к нам на вечеринку под видом Санта-Клауса, а сегодня днем я спросила его, приехали ли вы, и он ответил, что да, добавив, что вы как раз переодеваетесь. Вот откуда мне это известно. Значит, полицейским вы еще ничего не рассказали? Как хорошо, что я тоже держала язык за зубами, да?

– Очень интересно, – холодно произнес Ниро Вулф. – Чего вы рассчитываете добиться с помощью такой нелепой выдумки?

Черри Кван покачала хорошенькой головкой:

– Господи, а ведь вы считаетесь таким умным! Неужели сами не видите, что ничего у вас не выйдет? Стоит мне только с ними поделиться своими подозрениями, и они неминуемо начнут расследование даже в том случае, если не поверят мне. Конечно, с вами по части умения вести расследование им не потягаться, но что-то они непременно обнаружат.

Вулф закрыл глаза, поджал губы и откинулся на спинку кресла. Я же во все глаза следил за Черри. Весила она фунтов сто, не больше. Я бы запросто подхватил ее одной рукой и вынес отсюда, зажав ладонью рот. Запирать ее наверху, в комнате для гостей, смысла не было. Черри могла открыть окно и позвать на помощь. А вот в цокольном этаже, рядом с комнатой Фрица, давно пустовала клетушка со старой кушеткой. В крайнем случае мне оставалось только вынуть

из ящика письменного стола револьвер и пристрелить Черри на месте. Вдруг она ни с кем не поделилась, что идет к нам.

Вулф раскрыл глаза и выпрямился:

– Очень хорошо. Я по-прежнему считаю ваши инсинуации нелепыми и даже вздорными, но вполне согласен с тем, что, поделившись своими подозрениями с полицией, вы поставите меня в крайне неприятное положение. Не думаю, что вы пришли сюда с той лишь целью, чтобы известить меня о своих планах. Итак, что вас привело ко мне?

– Мне кажется, мы понимаем друг друга, – прочирикала она.

– Я понял лишь одно: вы от меня чего-то хотите. Чего именно?

– О, вы такой напористый! – посетовала Черри. – И вообще, вы держитесь так, словно я сказала что-то не то. Но я и вправду кое-чего от вас хочу. Понимаете, поскольку в полиции считают, что Курта убил Санта-Клаус, расследование не сдвинется с мертвой точки до тех пор, пока сбежавшего Санта-Клауса не поймают. Когда же его поймают, будет уже слишком поздно, чтобы искать настоящего убийцу, верно? Вы же не хотите, чтобы дело приняло такой оборот, да? – (Вулф промолчал.) – Мне бы лично не хотелось, – сказала Черри, и ее пальцы сжались в крохотные кулачки. – Мне бы не хотелось, чтобы убийца Курта избежал кары, кем бы он ни оказался. Причем я знаю, кто убийца. Я говорила полиции, но они и слушать ничего не хотят до тех пор, пока не поймают Санта-Клауса. Если же слушают, то не верят, поскольку убеждены, что я просто ревную. К тому же я азиатка, а их представления об азиатах весьма примитивные. Я собиралась заставить их принять меня всерьез, открыв им, кто скрывался под маской Санта-Клауса, но потом, поразмыслив и вспомнив, как они к вам относятся, я передумала, ведь они наверняка попытались бы доказать, что Курта убили именно вы... А вы и вправду могли убить его, к тому же вы сбежали с места преступления, но они не желают слушать меня, когда я говорю, что знаю, кто на самом деле убил Курта.

Она остановилась, чтобы перевести дух.

– А кто его убил? – поинтересовался Вулф.

– Сейчас скажу, – кивнула Черри. – Марго Дики и Курт крутили роман. Несколько месяцев назад Курт начал ухаживать за мной, и мне было очень тяжело, потому что я... я... – Она замялась, подбирая нужное слово. – Я любила его. Очень любила. Но беда в том, что я девственница и не хотела ему уступать. Не уверена, как бы я поступила в том случае, если бы не знала, что у него роман с Марго Дики, но я знала и заявила ему, что первым мужчиной, с которым я соглашусь лечь в постель, будет мой муж. Курт ответил, что готов ради меня бросить Марго, но жениться на мне все равно не сможет, поскольку в таком случае миссис Джером перестанет оказывать ему финансовую поддержку. Не знаю, как относилась к нему миссис Джером, но знаю, как относился к ней Курт. – Она разжала кулачки и снова сжала. – Это тянулось до бесконечности, однако для Курта я тоже начала кое-что значить. Сегодня ночью, после полуночи, он позвонил мне и сказал, что навсегда порвал с Марго и хочет жениться на мне. Он хотел сразу приехать ко мне, но я возразила, что уже лежу в постели, и предложила встретиться утром. Курт ответил, что в студии будет слишком многолюдно, и тогда я согласилась прийти к нему утром домой и позавтракать с ним вместе. Я была у него утром, мистер Вулф, но я до сих пор девственница.

– Это ваше право, мисс, – ответил Вулф, внимательно глядя на нее из-под полуприкрытых век.

– Да, – покачала головой Черри. – Знать бы еще, как им распорядиться. Так вот, за завтраком Курт и рассказал о вашей задумке. Придя в студию, я изумилась, застав там Марго, которая к тому же держалась на удивление дружелюбно. Это входило в ее план – держаться со всеми весело и дружелюбно. И она рассказала полицейским, что Курт собрался на ней жениться. Якобы накануне вечером они с ним решили сочетаться браком на следующей неделе. Во время рождественской недели. Кстати, я христианка.

Вулф чуть шевельнулся.

– Вы закончили? Мисс Дики и в самом деле убила мистера Боттвайля?

– Да. Безусловно.

– Вы уведомили об этом полицию?

– Да. Не так подробно, как вас, но вполне достаточно.

– И предъявили доказательства?

– Нет. Доказательств у меня нет.

– Тогда на вас могут подать в суд за клевету.

Черри разжала кулачки и всплеснула руками:

– Какое это имеет значение? Ведь я-то знаю, что права! Я совершенно уверена, что права!

Но Марго настолько умна и настолько коварна, что замела все следы, и доказательств попросту не существует. Все знали про цианистый калий, и у любого из них была возможность подсыпать его в бутылку. Поэтому доказать вину Марго невозможно. Курт мертв, и теперь ее нельзя даже уличить во лжи, ведь он вовсе не собирался на ней жениться. Она же всем своим видом показывала, что говорит правду. Тем не менее смириться с этим нельзя. Нужно во что бы то ни стало изобличить ее.

– И вы хотите, чтобы это сделал я?

Черри пропустила его вопрос мимо ушей.

– Мне кажется, мистер Вулф, что вам тоже грозит опасность. Если полиция установит личность Санта-Клауса и докажет, что вы скрывали...

– Я не соглашался с вашими выводами, – резко оборвал ее Вулф.

– Но вы согласились, что я поставлю вас в крайне неприятное положение, если поделюсь своими подозрениями с полицией. Так что для нас было бы лучше, если бы нам удалось раздобыть доказательства, изобличающие убийцу и одновременно раскрывающие личность Санта-Клауса. Вы согласны?

– Продолжайте.

– Мне кажется, что для вас раздобыть подобные доказательства – пара пустяков. У вас много помощников, готовых выполнить любое ваше поручение. Один из них может показать, что сыграл роль Санта-Клауса по вашей просьбе. Конечно, мистер Гудвин не в счет, поскольку он присутствовал на вечеринке, так что это должен быть такой человек, которого в это же время никто нигде не видел. Он может также показать, что, переодеваясь в гардеробной, услышал какой-то шум в кабинете, выглянул и увидел, как Марго Дики вынула из стола бутылку, что-то в нее бросила, поставила бутылку на место и быстро ушла. Именно тогда она и должна была отравить бутылку, поскольку Курт всегда выпивал перно, когда возвращался с ланча.

Вулф задумчиво потер губу кончиком пальца.

– Понимаю, – пробормотал он.

Но Черри еще не закончила.

– Ваш человек может также сказать, что сбежал из-за того, что испугался и хотел как можно быстрее доложить вам о случившемся. Думаю, если он завтра утром явится в полицию и все это расскажет, то ему ничего не сделают. Как, впрочем, и мне. Что они со мной сделают, если я приду к ним и скажу, что час назад вспомнила о разговоре с Куртом и о том, кто собирался изображать Санта-Клауса на нашей вечеринке? Как вам кажется, я права? – Ее тоненький ротик расплылся в улыбке. – Вот что мне нужно, – прошептала она. – Я сумела ясно выразиться и донести до вас смысл?

– О да, – заверил ее Вулф. – Вы излагали свои мысли просто восхитительно.

– Может быть, лучше, чтобы ваш человек не сам явился в полицию, а чтобы инспектор Кремер приехал сюда и вы бы поговорили с ним? А ваш человек присутствовал бы, чтобы подтвердить ваши слова. Я много про вас читала и знаю, как вы действуете.

– Да, так было бы лучше, – сухо, но вовсе не враждебно произнес Вулф, но я видел, как за его правым ухом подергивается жилка, скрытая от взора Черри. – Я полагаю, мисс Кван, сейчас бесполезно рассматривать версию о том, что убийцей мог оказаться кто-то другой, хотя...

– Извините. Я должна перебить вас! – В шепете Черри прозвенела сталь. – Я знаю, что убийца – Марго!

– А вот я не знаю. И даже в том случае, если проникнусь вашей убежденностью, то должен до того, как приступлю к выполнению вашего замысла, убедиться в отсутствии подводных камней. Времени это у меня много не займет. Завтра я скажу вам о своем решении. Я бы хотел...

Черри снова перебила его:

– Я не могу столько ждать. Не позднее завтрашнего утра я должна сообщить в полицию о разговоре с Куртом.

– Пф! Вы не только можете подождать, но и, безусловно, подождете. С той минуты, как вы сообщите в полицию о разговоре с Куртом, вы утрачиваете рычаг для нажима на меня. Вы узнаете о моем решении завтра. Теперь же мне надо подумать. Арчи!

Я встал. Черри посмотрела на меня, потом перевела взгляд на Вулфа. Она еще немного посидела, обдумывая положение и взвешивая свои шансы, – ее лицо при этом оставалось, как всегда, совершенно непроницаемым, – а потом встала.

– Я получила огромное удовольствие оттого, что побывала здесь и познакомилась с вами, – как ни в чем не бывало прощбетала она. – Еще раз прошу прощения за то, что не позвонила и не предупредила о своем приходе. Чем раньше вы позвоните мне завтра, тем лучше.

Она повернулась и зашагала к двери, а я двинулся следом.

Я помог Черри надеть шубку, распахнул дверь, убедился, что Черри благополучно преодолела все семь ступенек, запер дверь, наложил цепочку, возвратился в кабинет и сказал Вулфу:

– Снегопад прекратился. Кто, по-вашему, подойдет лучше – Сол, Фред, Орри или Билл?

– Сядь! – рыкнул Вулф. – Ты разбираешься в женщинах. Что скажешь?

– Только не в таких. Я пасую. И ломаного гроша на нее не поставлю. А вы?

– Я тоже. По всей вероятности, она врет. Я допускаю также, что она убийца. Сядь. Я хочу знать все, что случилось там сегодня после моего ухода. Во всех подробностях.

Я сел и отчитался. Вместе с ответами на вопросы это заняло у меня один час и тридцать пять минут. Стрелки часов показывали уже начало второго, когда Вулф наконец отодвинул кресло, с усилием встал, пожелал мне спокойной ночи и отправился спать.

Глава 6

На следующий день, в субботу, в половине третьего я сидел в том самом кабинете на Леонард-стрит, где некоторое время назад мне удалось успешно конфисковать ланч помощника окружного прокурора². Впрочем, никакой нужды вновь повторить этот подвиг у меня не было, так как я только что уплел вкуснейшие свиные ножки с тушеной капустой в ресторане «Ост».

Насколько я знаю, никаких попыток навесить убийство Боттвайля на Марго пока не предпринималось. Не делалось вообще никаких попыток. Поскольку по утрам с девяти до одиннадцати Вулф неизменно торчит наверху в оранжерее, а завтракает у себя в комнате, сидя в постели, я, памятуя о том, что должен к десяти явиться в прокуратуру, позвонил Вулфу по внутреннему телефону незадолго до девяти и спросил, нет ли у него каких поручений. Вулф ответил, что нет. Помощник окружного прокурора Фаррелл, продержав меня целый час в приемной, затем провел со мной два часа в обществе стенографистки и одного из детективов, который в пятницу днем приезжал на место преступления. Меня без конца гоняли взад-вперед по моим собственным показаниям, выпрашивая заодно подробности моих взаимоотношений со всеми людьми Боттвайля. Правда, о том, известно ли мне что-нибудь про Санта-Клауса, Фаррелл спросил лишь однажды, поэтому и соврать пришлось только раз, если не считать того, что я умолчал о разрешении на вступление в законный брак. Когда уставший от неравной борьбы помощник прокурора объявил перерыв и велел мне снова явиться к половине третьего, я отправился в «Ост» и по дороге позвонил Вулфу. Я предупредил, что сам не знаю, когда вернусь домой, а Вулф сказал, что поручений для меня у него по-прежнему нет. Я сказал, что, по моему мнению, Черри Кван не будет ждать его звонка до Нового года и проболтается полиции. Вулф ответил, что полностью со мной согласен, и бросил трубку.

Когда меня снова вызвали в кабинет Фаррелла, то помощник прокурора был один – ни стенографистки, ни детектива. Фаррелл поинтересовался, как прошел ланч, дождался – меня это тронуло до глубины души – пока я отвечаю, пододвинул ко мне листы бумаги с отпечатанными показаниями и откинулся на спинку стула.

– Перечитайте внимательно, – попросил он, – и решите, захотите ли подписать их.

Поскольку подразумевалось, что я могу и не захотеть, я прочитал текст не торопясь и внимательно, все пять страниц. Не найдя повода ни для цензуры, ни для споров, я придвинул стул поближе к краю стола Фаррелла, положил протокол на стол и достал из кармана шариковую ручку.

– Одну минуту, – произнес Фаррелл. – Вы неплохой парень, несмотря на строптивый нрав, так что я хотел бы вам помочь. Здесь подчеркивается, что вы рассказали нам все, ничего не утаив, обо всех своих действиях вчера днем.

– Да, я это прочитал. Ну и что?

– Тогда кто нанес отпечатки ваших пальцев на некоторые обрывки бумаг в корзинке для мусора?

– Черт побери! – с чувством выругался я. – Забыл надеть перчатки.

– Прошу вас отнестись к моим словам посерьезнее, – произнес Фаррелл, не спуская с меня глаз. – Вчера, отправившись на поиски Санта-Клауса, вы вошли в кабинет Боттвайля и тщательнейшим образом перерыли всю корзинку для мусора. И вы вовсе не случайно забыли об этом. Вы, насколько нам известно, вообще ничего не забываете. Следовательно, вы преднамеренно умолчали об этом факте. Я хочу знать почему. И еще: что именно вы взяли из корзинки и что с этим сделали?

Я ухмыльнулся:

² Отсылка к роману Р. Стаута «Золотые пауки».

– Я зол сам на себя, поскольку недооценил скрупулезность полицейских. Мне и в голову не пришло, что они способны искать отпечатки пальцев на ничего не значащих обрывках бумаги, но я просчитался. Терпеть не могу садиться в калошу. – Я пожал плечами. – Ладно, ничего не попишешь. Век живи – век учись. – Я придвинул к себе протокол, подписал последнюю страницу, протянул подписанный протокол Фарреллу, а второй экземпляр сложил вчетверо и убрал в карман. – Если вы настаиваете, то могу объяснить в письменном виде, – добавил я. – Но сомневаюсь, стоит ли. Санта-Клаус дал деру. Кирнан вызвал полицию, а я, признаться, немного растерялся. Я осматривался по сторонам, пытаюсь найти хоть какую-нибудь улику, которая подсказала бы, где искать Санта-Клауса, и мой взгляд случайно наткнулся на корзинку для бумаг. Вот я и решил в ней порыться. А не упомянул я об этом, конечно, не из-за того, что забыл, а исключительно из чувства стыда, ведь я привык считаться умным и смекалистым, а тот поступок был на редкость глупым. Вот ответ на ваш первый вопрос. На второй ответ еще короче – ничего. Я перевернул корзинку, высыпал содержимое на пол, потом побросал все обратно, но ничего не взял. Хотите, чтобы я это написал?

– Нет. Хочу только немного поговорить об этом. Я и сам знаю, что вы и умны, и смекалисты. И вы, безусловно, не растерялись. Я хочу узнать истинную причину, которая побудила вас копаться в корзинке. Я хочу знать, что именно вы искали, удалось ли вам это найти и что вы с этим сделали.

Я выкручивался и извивался как уж на сковородке больше часа, причем минут через двадцать к Фарреллу присоединился второй помощник окружного прокурора. В какую-то минуту я даже подумал, что меня собираются задержать как важного свидетеля, но обстоятельства сыграли мне на руку: для ареста нужен ордер, началась рождественская неделя, а прямых доказательств, что я и в самом деле пытался утаить какие-то улики, не было, поэтому в конце концов меня отпустили восвояси, велел, правда, приписать дополнение к уже подписанному протоколу. Нехорошо, конечно, заставлять столь важных служителей правосудия ждать, пока я добросовестно переписывал это дополнение на оставшийся у меня экземпляр протокола, но я предпочитаю делать все как подобает.

К тому времени, как я добрался до дома, было уже десять минут пятого, и Вулфа в кабинете не оказалось, поскольку каждый день с четырех до шести он торчит наверху в оранжерее. Записки на своем столе я тоже не увидел, так что поручений у Вулфа ко мне по-прежнему не имелось, но кое-какое послание я все-таки обнаружил. На моем столе уже давно красуется изящная нефритовая пепельница – подарок одного бывшего клиента. Она почти всегда пуста, поскольку курю я крайне редко, но сейчас в ней покоились три окурка сигарет «Фараон».

Египетские сигареты «Фараон» курит Сол Пензер. Думаю, помимо Сола, в мире могут найтись и другие любители этой марки, но я не мог допустить даже мысли о том, чтобы посторонний человек мог сидеть за моим столом в мое отсутствие. Более того, Вулф преднамеренно дал мне знать о том, что в кабинете побывал Сол, поскольку в число восьми миллионов вещей, которые Вулф абсолютно не переносит, входят и пепельницы с окурками. Случись подобный кошмар при нем, Вулф бы лично дотопал до ванной, чтобы вытряхнуть такую гадость.

Значит, какие-то действия Вулф все-таки предпринял. Но какие? Сол, лучший во всей Америке сыщик, не состоящий нигде на службе, запрашивает шестьдесят долларов за день работы и получает их, хотя стоит вдвое дороже. Вулф старается никогда не нанимать его по пустячным делам, и мысль о том, что Вулф может попытаться представить Сола как человека, который изображал Санта-Клауса, даже не приходила мне в голову. Да и не в привычках Вулфа фабриковать ложное обвинение в убийстве. Я позвонил в оранжерею по внутреннему телефону, и минуту спустя Вулф рыкнул мне в ухо:

– Да, Фриц?

– Не Фриц. Это я. Я дома. Никаких срочных новостей у меня нет. Полицейские нашли отпечатки моих пальцев на содержимом корзинки для бумаг, но мне удалось выкрутиться без серьезных потерь. Вы не обидитесь, если я вымою пепельницу?

– Нет. Пожалуйста.

– А что потом?

– Я тебе скажу в шесть часов. Возможно, раньше.

Он положил трубку. Я открыл сейф и заглянул в отделение, где мы храним наличность, чтобы выяснить, не выплачен ли Солу щедрый гонорар. Однако все деньги оказались на месте, да и в бухгалтерской книге новых записей не появилось. Я выкинул окурки и вымыл пепельницу. Потом заскочил на кухню, где Фриц колдовал над свиной вырезкой, и невинно поинтересовался, понравился ли Солу ланч. Фриц ответил, что Сол ушел раньше, не задержавшись на ланч. Что ж, получается, Вулф начал действовать сразу после моего ухода. Я возвратился в кабинет, перечитал свой экземпляр протокола показаний, прежде чем зарегистрировать его и подшить к прочим документам, а затем принялся ломать голову над возможным заданием, которое Вулф мог поручить Солу. Ни одна из версий не показалась мне достаточно многообещающей. В самом начале шестого зазвонил телефон, и я снял трубку. Сол. Легко на помине. Он сказал, что рад меня слышать и счастлив, что я по-прежнему на свободе. Я ответил, что тоже рад и счастлив.

– Передай мистеру Вулфу, – попросил Сол, – что все готово, никаких трудностей нет.

– Только и всего?

– Да. До встречи.

Я положил трубку, пораскинул мозгами, как быть – подняться в оранжерею или позвонить по внутреннему телефону, – и решил в пользу телефона. Когда в трубку ворвался голос Вулфа, он был уже заметно раздражен, поскольку терпеть не может, когда его беспокоят в оранжерее.

– Да?

– Позвонил Сол. Просит передать, что все готово, никаких трудностей. Поздравляю. Я вам не слишком мешаю?

– Нет, как ни странно. Расставь кресла для гостей. Десяти, думаю, хватит. Четверо или пятеро придут в начале седьмого. Надеюсь, не больше. Остальные присоединятся к нам позже.

– Угощение требуется?

– Только напитки. Больше ничего.

– Чем-нибудь еще могу быть полезен?

– Нет.

На этом разговор оборвался. Прежде чем отправиться в гостиную за креслами и на кухню за напитками, я спросил себя, имею ли я хотя бы малейшее представление о том, какой фортель собирается выкинуть наш гений на сей раз. Увы, ответ оказался отрицательным.

Глава 7

Гости пришли вчетвером. Они собрались в промежутке от четверти до двадцати минут седьмого. Первыми появились миссис Перри Портер Джером и ее сынок Лео, затем Черри Кван, а последним пожаловал Эмиль Хетч. Миссис Джером по-хозяйски развалилась в красном кожаном кресле, но с приходом Черри я пересадил ее вместе с неизменной норкой в одно из желтых кресел. Я вполне допускал, что в скором будущем Черри может сидеть уже не в кресле, а на стуле, причем особой конструкции, с подведенными к нему проводами, и тем не менее считал, что она в красном кожаном кресле смотрится лучше, чем миссис Джером. К половине седьмого, когда я оставил их, чтобы заглянуть в столовую, никто из всей честной компании не перекинулся даже словом ни с кем из присутствующих.

Когда я вошел в столовую, Вулф как раз прикончил очередную бутылку пива.

– Шесть тридцать одна, – сообщил я. – Всего четверо. Кирнан и Марго Дики так и не появились.

– Приемлемо. – Вулф встал. – Они пытались выяснить у тебя, в чем дело?

– Только двое – Хетч и миссис Джером. Я, следуя вашим указаниям, сказал, что они услышат это из ваших уст. Никаких сверхъестественных усилий мне это не стоило, поскольку я не имею понятия о том, что вы задумали.

Вулф грузно зашагал к кабинету, я двинулся следом. Хотя, за исключением Черри, никто из гостей не знал, что на вечеринке Вулф разливал им шампанское, представлять его никому не требовалось. Они все познакомились с Вулфом во время дела по розыску украденных гобеленов.

Обогнув кресло, в котором сидела Черри, Вулф повернулся к гостям лицом, поздоровался, прошел за свой стол и уселся в свое необъятное кресло.

– Не стану благодарить вас за то, что вы собрались, – сказал он. – Вы пришли не ради меня, а ради собственных интересов. Я послал...

– Я пришел, – вмешался Хетч, выглядевший мрачнее тучи, – только для того, чтобы узнать, что вы замыслили.

– Узнаете, – заверил его Вулф. – Я передал каждому из вас одинаковое приглашение, в котором речь шла о том, что мистер Гудвин располагает определенными сведениями, представляющими большой интерес для полиции. Дальше там говорилось, что мистер Гудвин собирается не позднее сегодняшнего вечера передать эти сведения в полицию, но я уговорил его повременить до тех пор, пока не побеседую с вами. Прежде чем я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.